

Я весь подобрался.

Красавиц-демониц я видывал немало, но эта свирепая фурия, занесшая надо мной огромный серп, была первой, от чьего взгляда у меня волосы встали дыбом. Ледяные слова, сорвавшиеся с её губ, обдали холодом затылок; этот тон, пропитанный первобытной злобой, разом заглушил весь шум битвы. Даже не видя лица женщины, по одному лишь голосу я понял: лишнее движение — и я труп.

И дело было не только в том, что она в разы превосходила меня силой. Нас связывала какая-то невнятная, путаная история из прошлого, и ненависть, которую она питала ко мне, была бездонной. В её глазах, когда она только заметила меня, читалось такое исступлённое желание расправиться со мной, что в пору было сравнить его с неистовым горным потоком.

Тихо рассмеявшись, демонница слегка приподняла лезвие. Следом за холодным металлом, прижатым к горлу, я медленно поднялся. Повернулся к ней, стараясь не задеть острую кромку.

Серп застыл в опасной близости. Видя моё молчание, женщина заговорила ещё холоднее:

— Я же предупреждала: в следующий раз я отрублю тебе руки и ноги, выколю глаза, а потом буду поедать тебя по кусочку... заживо.

Крики сражающихся вокруг будто стерлись, превратившись в неясный гул. Капля пота медленно скатилась по виску. Криво усмехнувшись, я выдавил:

— Ну... всё же можно обсудить. Зачем сразу распускать руки?

Она вскинула брови в издевательском удивлении:

— Ты молишь о пощаде?

Я со всей серьезностью покачал головой, упёр руки в бока и, вскинув подбородок, посмотрел на неё сверху вниз:

— Вовсе нет. Я лишь советую тебе оставить путь зла и обратиться к свету, пока не поздно.

Разумеется, смотреть на кого-то через ноздри — верх неучтивости, но её лезвие так плотно прилегало к моей шее, время от времени надавливая, что мне волей-неволей приходилось заирать голову.

— Обратиться к свету? — фыркнула она. — Типичный заносчивый небожитель. Вечно прикрываете свою никчёмность высокопарными речами... Жалкое зрелище!

От этих слов мне стало не по себе. Скривив губы, я парировал:

— Подумаешь, никчёмный я! Не надо лишний раз напоминать.

Впрочем, язык мой — враг мой, и я не удержался от шпильки:

— Я-то останусь таким, какой есть. А вот тебе стоило бы померить пыл. Ещё пара лет таких тренировок — и ты догонишь саму Цзютянь Сюаньюй, ту ещё мегеру, что вечно ищет соринки в чужих глазах. Могу вас как-нибудь познакомить, посмотрите, кто из вас язвительнее. Думаю, ты её переплюнешь!

—...

— Какие перспективы... Сама первая скандалистка Небес тебе не конкурентка...

У демонницы даже губы задрожали от ярости. Пальцы, сжимавшие рукоять серпа, побелели, а лицо исказилось в такой гримасе, что никакая холодная усмешка не могла её скрыть.

Улучив момент, я грациозно отпрянул назад. Ну, мне хотелось, чтобы это выглядело грациозно, но под пятку, как назло, подвернулся камень. В итоге вместо эффектного побега я на глазах у заклятого врага позорно растянулся на земле.

Кое-как приподнявшись, я увидел, что лицо Цзаньби потемнело ещё сильнее. Она замахнулась, явно намереваясь разрубить меня одним ударом. Я обернулся: повсюду царил хаос, все были заняты боем, и ждать помощи было не от кого. Глядя на опускающееся лезвие, я лишь горестно вздохнул.

Какая нелепая смерть!

Внезапно перед нами возникла девчушка в розовом. Она с поразительной легкостью перехватила руку Цзаньби. Та нахмурилась, косясь на неё:

— Хуэй, что это значит?

— Цзаньби, не забывай о приказе господина Сюаньду.

— Можешь не напоминать, — процедила женщина и неохотно опустила оружие. Бросив на меня испепеляющий взгляд, она развернулась и снова бросилась в гущу сражения.

Говорят, после великой беды приходит великое счастье. Но мои злоключения, похоже, только начинались.

Девочка по имени Хуюй мягко улыбнулась мне, а затем неизвестно откуда выхватила длинный черный кнут. Одним ловким движением она спеленала меня с ног до головы.

— Ты чего удумала? — опешил я.

Она лукаво осклабилась:

— Заберу тебя домой!

— Чего?!

Пока я хлопал глазами, она уже закончила «упаковку». Подхватив меня, точно тюк с вещами, она сверкнула золотистыми глазами.

— Ты такой забавный, — заявила она. — Станешь ценным экспонатом в моей коллекции!

В коллекцию?!

Прежде чем я успел возразить, Хуюй, весело смеясь, потащила меня прочь под шум битвы. Не успел я и пикнуть, как мы уже покинули пределы крепости Байхуэй.

Силы у неё было не занимать. По пути я несколько раз порывался достать Шпильку Управления Ветром, но обнаружил, что она, видимо, выпала, когда я так «удачно» приземлился на камни. Пришлось смириться с ролью жертвенного барана, которого тащат на закляние через леса и горы.

Неужели и впрямь собираются съесть?

От этой мысли мороз продрал по коже. Я попытался вырваться, но кнут оказался необычным — похлеще Верёвки Эрлана. Чем сильнее я барахтался, тем крепче впивались в тело черные кольца.

Заметив мои попытки, Хуюй притянула меня к себе. В её свободной руке откуда-то появилось птичье перо, которым она принялась щекотать мне шею.

— Не дергайся. Сиди смирно, а то хуже будет.

От щекотки я невольно сжался. Глядя в её золотистые глаза, я понял: не сбежать.

— Куда ты меня тащишь? — угрюмо буркнул я.

— Хи-хи, — только и ответила она, продолжая свой путь.

Девочка, твой смех мне совсем не нравится...

Спустя несколько часов мы оказались в удивительном месте. Глазу открылись тихие горы и чистые воды, среди которых, в уютной ложине, примостился бамбуковый домик. Пейзаж вокруг был столь безмятежным, что захватывало дух.

Хууй усадила меня, связанного, на каменную скамью возле дома. Я огляделся. Рядом с жилищем с грохотом обрушивался водопад, рассыпаясь мириадами брызг; капли оседали на листьях деревьев, и парочка из них упала мне на лицо, приятно освежая. Впрочем, сейчас было не до любования природой.

— Где мы? — спросил я.

— Это мой дом.

— ... — «Значит, приволокли в логово, чтобы сожрать», — мелькнула мысль.

Озорная девчонка присела передо мной на корточки, подперев голову руками. Её глаза таинственно поблескивали.

— Ты и впрямь бессмертный? — внезапно спросила она.

Не зная, к чему она клонит, я помедлил, но всё же ответил:

— Да...

Едва я договорил, как Хууй бесцеремонно схватила меня за щеки. Её личико расплылось в широкой улыбке:

— Слыхала я, что все небожители — напыщенные индюки, а ты, оказывается, вон какой милаха.

«Милаха, пока без магии, — подумал я. — Была бы сила, я бы тебе показал...»

От боли в щеках я затряс головой. Рот мой перекосило, и я невнятно пробормотал:

— Послушай... может, отпустишь уже?

— Какая забавная рожица! — в восторге воскликнула розовая девчонка. — Знаешь что? Вообще-то я хотела заспиртовать тебя для коллекции, но раз ты такой милый, так и быть — оставлю тебя себе. Будешь моим питомцем. А ну-ка, хныкни для меня!

Я посмотрел на сияющую от радости девицу:

— Ты это серьезно?.. Ты издеваешься?

Хуьей ущипнула меня еще сильнее:

— Никакая я тебе не «девица»! Отныне зови меня сестрицей Хуьей, понял?

«От заспиртованного трупа до домашнего питомца... — размышлял я. — Это можно считать карьерным ростом?»

Конечно, лезть на рожон, когда ты лишен сил — затея глупая, но раздражение росло. Я попытался повернуться, кнут сжался ещё сильнее, так что дышать стало трудно.

— Хм! — только и выдавил я.

Ещё чего! Эта малявка, которая мне по пояс будет, требует, чтобы я звал её «сестрицей»! Да ни за что!

— Живо зови меня сестрой! — Хуьей снова принялась меня щекотать.

— Не буду! — от щекотки я едва не зашелся смехом, но упрямства мне было не занимать.

Она не разозлилась, лишь хитро прищурилась:

— Зря ты так. Вот вернется Цзаньби, порубит тебя на кусочки и пустит на закуску к вину — а я и пальцем не пошевелю.

Цзаньби... Та свирепая демоница?

Я невольно вздрогнул.

— Она... она тоже здесь живет?

Хуэй кивнула, продолжая тискать мои щеки.

— Само собой. Цзаньби — моя старшая сестра.

Сердце моё упало. Я неловко завалился на бок, больно ударившись задом о камни. Видя такую реакцию, Хуэй присела рядом и принялась тыкать пальцем мне в щеку:

— Вы что, знакомы?

— Нет! Конечно нет! — поспешно соврал я.

Девчонка задумчиво подперла подбородок:

— Странно. Мне показалось, что вы друг друга отлично знаете.

— С чего бы это? — «Да мы знакомы как кошка с собакой!»

— Сестра вообще холодна ко всем, кроме отца. А сегодня я видела, что она тебя прямо-таки ненавидит.

Ненавидит? Да это взаимно!

— Никогда не видела у неё такого лица. Ты крутой! — Хуэй ехидно ухмыльнулась. — Теперь я тебя точно не отпущу. И сестре убить не дам. Чувствую, ты единственный, кто сможет её приструнить.

Приструнить её... Да в жизни такого не будет! Эта женщина — само воплощение кошмара. Без магии я в её логове — как карась на разделочной доске: только и жди, когда начнут чистить чешую.

Перед глазами уже встала картина: горный пейзаж, кувшин вина и довольная Цзаньби, неспешно доедающая филе из одного маленького бессмертного.

Мрачные мысли прервало одно слово, сорвавшееся с губ Хуэй.

Сюаньду...

Разве этот старый хрыч не подох несколько тысяч лет назад? Как он может отдавать приказы? Или у демонов принято являться в чужих снах и раздавать ценные указания?

От этих раздумий по спине пробежал холодок.

Внезапно в небе мелькнул пурпурный силуэт. Цзаньби рухнула на землю, едва удержавшись на ногах. Она прижимала руку к плечу, из которого хлестала кровь; лицо её было белым как полотно.

Хуэй тут же бросилась к ней:

— Что случилось?!

— Меня задела Хэнчэнем... — прошептала та, и вдруг её взгляд упал на меня. В глазах демоницы мгновенно вспыхнуло ярое пламя. — Хуэй! Какого чёрта ты притащила это в наш дом?!

Хуэй вздрогнула и промолчала, а Цзаньби, лишившись последних сил, потеряла сознание.

Похоже, рана была тяжелой.

Я поглядывал в приоткрытую дверь бамбукового домика. Внутри мелькала фигура Хуэй, хлопочущей над сестрой. Я вспомнил: когда Цзаньби вернулась, меча Мо Чэ при ней не было. Стало и легко, и тревожно одновременно. Раз меча нет, значит, в крепости Байхуэй отбились, но какой ценой?

Все ли целы? Как там Цинь Хуань?..

Вспомнив о том, что Цинь Хуаню пришлось съесть сердце родного человека, чтобы выжить, я наконец понял причину его тяги к смерти. Когда на тебя обрушивается горе, ты — лишь жертва. Но если тебе «повезло» оказаться на месте палача, чтобы спастись... Если ты с ледяным безразличием наблюдаешь, как твои муки перекадываются на другого — в этот миг душа перестает гореть в огне, но падает в бездну, откуда нет спасения. Эти страдания превращаются в ядовитых змей, свивающих гнездо в узилище твоего собственного сердца. Твои грехи, точно зеркало, отражают лишь твой собственный жуткий оскал.

Прошлое стояло перед глазами, кровь на руках невозможно было смыть, и само дыхание казалось непосильным бременем.

Я чувствовал, что всё глубже погружаюсь в пучину мирских чувств. Но вместо прежней тревоги на душе было спокойно. Если бессмертие — это слепота и глухота ко всему живому, то чем оно отличается от существования бездумного зверя?

Раньше я считал людей глупцами: их судьбы предрешены небесами, а они всё равно пытаются идти наперекор воле рока, неизменно терпя крах. Но именно в эти суетные десятилетия смертные живут по-настоящему — шаг за шагом, не оглядываясь и не останавливаясь. И эти краткие годы стоят целого века. А тысячелетия пустоты... Будь то бесстрастные боги или демоны, погрязшие в пороках, — все они лишь бессмысленно влачат свое существование.

Хуэй сняла с меня путы, но наложила заклятие: стоит мне попытаться сбежать, и я познаю муку, сравнимую с укусами тысячи змей.

— Сиди смиренно, — усмехнулась она, ущипнув меня за щеку. — А не то будешь корчиться от боли неделю напролет, и сам Нефритовый император тебя не спасет!

Я лишь вздохнул и покачал головой:

— Понял я, вредная девчонка.

Она сердито надулась и рявкнула мне прямо в ухо:

— Зови меня сестрой!

— Слушаюсь, вредная девчонка, — парировал я, пожав плечами.

—...

Проводив её взглядом, я тяжело вздохнул. Без магии я даже не знал, где нахожусь. Я понимал: даже без заклятия мне далеко не уйти. К тому же за эти дни Хуэй не сделала мне ничего плохого, и я понемногу расслабился. Возможно, я слишком беспечен, но была и другая причина.

Цзаньби.

Я хотел узнать, чем закончилась битва и как там Мо Чэ и остальные. А еще — почему им так нужен был этот меч... И при чём здесь Сюаньду. Это имя каждый раз вызывало у меня странное, липкое чувство тревоги.

Хуэй ушла и не возвращалась весь день. Я зашел в дом. Цзаньби лежала в постели.

Едва она открыла свои фиалковые глаза и увидела меня, как ярость вновь захлестнула её. Она рванулась было за серпом, но рана не дала ей даже пошевелиться.

— Убирайся, — прохрипела она, испепеляя меня взглядом.

Я почесал затылок и, набравшись наглости, подошел ближе.

— Да не кипятись ты так. Я же тебе ничего не сделаю. Ты что, по себе судишь?

Гнев исказил её лицо. Цзаньби впилась в меня взглядом, сжала кулаки и, прежде чем я успел среагировать, её длинные пурпурные волосы, точно живые лианы, метнулись вперед. Они обвили мою шею и рывком притянули меня к ней.

Эти волосы словно обладали собственной волей. Они сдавливали горло всё сильнее, перекрывая кислород. Я отчаянно забил руками, пытаюсь разжать эту живую удавку, но пряди не поддавались.

— Пу... сти... — едва выдавил я.

В глазах Цзаньби мелькнула ледяная радость. В её зрачках я видел свое багровеющее лицо. Она не только не ослабила хватку — волос становилось всё больше, они заползали на лицо, забивая рот и нос. Она твердо решила меня придушить.

Сознание начало мутиться. Спасаться нужно было любой ценой, и я пошел на крайние меры. Собрав последние крохи сил, я дотянулся до её груди и крепко сжал её.

— Скотина! — Сработало мгновенно. Лицо Цзаньби полыхнуло краской, она тут же отпрянула, и её волосы, разжавшись, отшвырнули меня к порогу. Я едва не рассыпался на части от удара об камни, но зато наконец-то смог вдохнуть.

Того, кто не боится смерти, и пульей не испугаешь. Эта присказка подходила мне как нельзя лучше.

Я снова вошел в комнату. Стоило мне показаться, как на лице фурии вновь закипела буря. Не давая мне вставить и слова, она снова бросила в атаку свои волосы, но на этот раз была осторожнее — держалась в трех шагах, а её удары стали ещё стремительнее и злее.

Однако я тоже был не лыком шит. Неужто я позволю себе погибнуть, так и не выполнив задуманного?

Схватив ножницы, я, пока она не разошлась вовсю, принялся с молниеносной быстротой состригать её великолепные локоны. Одно точное движение за другим.

Цзаньби пришла в неопишное бешенство. Отрезанные пряди тут же отрастали вновь, но мои ножницы работали без устали, обрывая эти наглые змеи. Пурпурные нити дождем сыпались на пол, мгновенно превращаясь в лепестки фиолетовых пионов.

Для раненого демона такая трата сил — непозволительная роскошь. Она черпала энергию из самого Изначального духа, пытаясь сокрушить меня.

Прошло совсем немного времени, и комната оказалась буквально завалена цветами. Цзаньби выдохлась. Её некогда прекрасная прическа теперь висела неровными клочьями, лицо стало мертвенно-бледным, а в фиалковых глазах по-прежнему полыхала неугасимая ненависть.

— Ты... — она хотела что-то выкрикнуть, но голос её сорвался.

Не успел я порадоваться победе, как Цзаньби, вцепившись в край кровати, зашлась в кашле, выплевывая сгусток Изначальной крови. Голова её бессильно упала на подушку — она лишилась чувств.

Осторожно держа ножницы перед собой, я подошел к ней. Потыкал её в руку — никакой реакции. Демоница и впрямь была в глубоком обмороке.

«Она, конечно, стерва, но я-то не такой», — подумал я и решил по-доброму уложить её поудобнее. Но тут я заметил нечто странное: её рана на левом плече начала пульсировать жутковатым, огненным светом.

Любопытство взяло верх. Я осторожно отодвинул край одежды, но стоило мне лишь немного приблизиться, как пальцы обожгло нестерпимой болью, будто я коснулся раскаленного железа.

Что... что это за магия?

<http://bllate.org/book/17534/1704664>